

Краткая история моей главной идеи

В 80-х и 90-х годах прошлого столетия я на самом себе испытал, как трудно исследователю, когда он сознает, что обладает идеями, объективно превосходящими господствующие идеи, но все его аргументы не производят впечатления, так как его голос слишком слаб, чтобы заставить научный мир прислушаться к нему.

М а к с П л а н к. М., 1958, с. 51.

1. Краткая история возникновения главной идеи

В 1981 году на страницах [«Литературной газеты»](#) велась большая и страстная дискуссия о проблемах заработной платы. Под названием «Кто чего стоит?»

Я в то время уже окончил институт, проходил действительную службу в одной из частей, расположенных на территории Москвы, и страстно интересовался экономическими проблемами социализма.

Служил я офицером. Часто ходил в наряды по части и оставался ответственным по роте. Так что иногда много времени было для чтения. И вот, помню, как сейчас: сижу я в канцелярии (так у нас называлась комната для командования роты), читаю одну из публикаций, и в моем мозгу молнией проскакивает мысль: «А что, если сделать вот так?!»

Мысль эта показалась настолько простой, ясной и эффективной, что я изумленно подумал: «Как это люди не могут до такого додуматься?! Ведь это так просто!» И нужно сказать, что потом, когда я занялся и техническим творчеством, у меня при нахождении некоторых решений неоднократно такое изумление возникало.

2. Мои первые попытки доказательства главной идеи

И вот я, со всей горячностью молодости (а мне шел 24-й год) взялся за оформление этой идеи. Хотя сочинять, вообще, записывать свои мысли я стал только незадолго до этого. Когда закончилась пятнадцатилетняя закачка знаний в меня, и я стал их переваривать. После окончания института.

Короче, к весне следующего года или раньше у меня был готов первоначальный вариант моей [«Теории распределения по труду в эпоху развитого социализма»](#), и я стал энергично его пробивать. Написал в «ЛГ», потом написал туда еще несколько раз. Но передо мной стояла глухая стена непонимания. Приходили ответы и всюду – одно и то же: «...Для опубликования Ваших предложений в... не видим оснований».

Тогда я обратился в другую центральную газету. И тоже не раз. Результат – тот же. Видя такие дела, я послал свою теорию в один из центральных органов КПСС. И мне тоже ответили. Правда, по поручению из другого органа. Так как

я был военнотружашим. И ответили довольно толково. Но, как всегда, аргументировали свой ответ идеями Маркса-Ленина, самоуспокоено говорили о том, что всё уже давно решено, и рекомендовали изучить соответствующие решения партии. Спасибо, хоть не посадили. И не упрятали в психушку. На радость, моим идеологическим противникам.

Я думаю теперь, что не посадили потому, что выступал я против теории Маркса и политики партии не с тех позиций, с которых выступают враги социализма. А выступал с позиций **будущего**. Так как я всегда был и всегда буду ярким приверженцем коммунистической идеи.

Основой расхождений тогда было следующее. Мои оппоненты считали, что все уже решено, что не нужно ничего менять в принципе, что переход к коммунистическому обществу будет осуществлен на тех основах, которые были введены Марксом и другими теоретиками. И что нужно только время, чтобы мы благополучно «въехали» в коммунизм.

Основное обвинение, которое бросали мне, было лучше всего выражено в письме из органов. Вот что они ставили в упрек: «В своих предложениях Вы... переносите черты общества и труда, свойственные коммунизму, в сегодняшний день, абсолютно не учитываете мероприятий партии, проведенных или намеченных к проведению в жизнь в решениях XXVI съезда КПСС...» К чему привели эти мероприятия, мы уже знаем сейчас. К сожалению.

Убежденность, что все нормально, что все идет так, как нужно, была, поистине, непробиваемой.

Кроме этого, я был еще в двух центральных газетах лично. Об этих случаях я расскажу подробно.

16 апреля 1982 года с 9:30 до 11:00 я говорил с начальником (по-моему) одного из отделов «Экономической газеты» Ковалевым Анатолием Николаевичем. В комнате № 728. (Так подробно я это все выписываю для памяти и потому, что записал тогда на брошюре «Хозрасчетные бригады в промышленности» (М.: Правда, 1981.), которую он мне подарил в конце беседы.)

Вот мое мнение об этом человеке, его советы мне и мой вывод из беседы, которые я записал на той же брошюре:

Мое мнение о Ковалеве А.Н.:

«К.А.Н. очень похож на С-ника (Преподаватель технологии... производства в моем институте. – А.С.), и манерами, и образом мысли; такого трудно столкнуть с места... (Хотя, конечно, очень трудно поверить в то, что какой-то «выскачка» может что-либо дельное предложить. Тем более, когда обращаешься в таких сферах. Работает в такой газете и в таком городе...)

Этот человек – добродушный, несобранный фаталист. Уверенный в том, что нужно плыть по воле волн. Ибо изменить ничего нельзя».

Фаталистом я его тогда назвал потому, что он, как и все, был глубоко убежден, что все идет нормально, что ничего не нужно менять в принципе, что социализм постепенно перерастет в коммунизм. Но что мы, конечно, до этого

времени не доживем. Потому, что он не был вообще слепым человеком. И видел, что происходит в реальной действительности.

Его советы в моей передаче:

1. Поди-тка, поработай!
2. Спустись на землю!
3. Абстракции не нужны!
4. Нужны «факты», а не «надуманные ситуации».
5. Обратись в Верховный Совет СССР.

Мой вывод из беседы: «Чтобы понять меня, нужно побывать в моей шкуре, почувствовать на себе все, что Вы, ув. т. К., и не попытались сделать, а зря...»

Второй, а может, и первый по времени визит был в [«Известия»](#). Если мне не изменяет память, приемная этой газеты находилась по левую руку, если стоять лицом к кинотеатру «Россия» в Москве. Переулок, кажется, назывался Чеховским.

Зашел, помню я, в эту приемную. Первый этаж, большой довольно помещение. И женщина с восточным типом лица спросила меня: «Что у Вас, молодой человек?»

А я по наивности своей и говорю: «Да, понимаете, обнаружил тут пару ошибок у Маркса и хотел бы их опубликовать...»

Если бы я, не говоря ни слова, обнажил перед нею свой половой орган, то испуг и удивление на ее лице, думаю, были бы меньше. Так как у меня там ничего выдающегося нет. Всё – средних размеров. Короче, немая сцена. Как в «Ревизоре». Видя такую комичную ситуацию и желая вывести собеседницу из состояния оцепенения, я сказал: «Судя по Вашей реакции, нам не о чем дальше говорить...» Попрощался, повернулся и вышел на свежий воздух.

Иногда вспоминая этот случай, я каждый раз удивляюсь тому, насколько сильно были зомбированы советские люди идеями Маркса. Это, действительно, была не наука, как кто-то, кажется, Игорь Шафаревич, сказал, а самая настоящая религия. Даже сама мысль о том, что Маркс мог ошибаться, повергала людей в шок. Не говоря уже о том, чтобы можно было осмысленно вести диалог о его идеях. Тупое, безоговорочное восприятие его идей. И все! Точка!

Были и еще попытки и полупопытки доказательства моей идеи.

Где-то, в середине 80-х «Комсомолка» разрабатывала проект «Социальные изобретения». Я посылал туда свои идеи. Но, кажется, даже ответа не получил. Уже начинались «демократические» времена. И отвечать становилось не обязательно.

Да, было предложение мне из передачи «Взгляд», которое организовал один из моих московских друзей. Где-то, в районе начала 90-х. Но я отказался от этой попытки. Потому, что уже не верил в способность убедить людей в том, что я говорю... Я был тогда озлоблен на весь свет. Думал: «Да пропадите вы все пропадом! Дураки! Разбейте себе морды в кровь, переломайте себе кости.

Может, хоть после этого вы станете более понятливыми. И сможете своими куриными мозгами понять то, что я предлагаю для вашего же блага».

Мне не было жалко этих взрослых ослов. Которым умные люди объясняли, какими будут результаты их идиотских действий. Но они упрямо шли к пропасти, к своей гибели. Единственные существа, которых мне было жаль, – это дети. Они-то за что должны были страдать? Их вина в чем?

Было несколько не прямых, косвенных попыток и в 90-е годы, но результат – тот же, что и всегда...

3. Разработка идеи в 80-е и 90-е годы

После эпопеи с письмами в газеты и органы я пришел к выводу, что моя идея нуждается в капитальной разработке. А для этого нужно, прежде всего, повысить уровень моего образования. И тогда я составил план самообразования и стал его методично выполнять. Совсем как немец. Хотя и не в двадцать лет, а немного позже. (По Лескову, русские в 20 лет живут еще на фу-фу.)

Кратко план самообразования выглядел так:

1. Прочитать еще непрочитанные основные произведения мировой художественной литературы.
2. Изучить философию, политэкономия, этику, психологию, формальную логику и некоторые другие гуманитарные науки, по которым в институте и школе или не было получено знаний, или они были явно недостаточны. И проработать основные первоисточники по указанным наукам.
3. Изучить должным образом русский язык, чтобы иметь возможность свободно излагать свои мысли.

Из умений я решил приобрести следующие: скорочтение, аутотренинг, слепой метод машинописи и стенография.

Скорочтением я занимался несколько лет. Пока не понял, что это не мое. Что лучше читать меньше, но глубоко, чем много и бегло, поверхностно. По крайней мере, для тех целей, для которых мне нужно было чтение.

Аутотренингом пользовался много лет. Но в трудные годы начала 90-х оставил. В последнее время начинаю возрождать.

Стенографией и слепым методом владею года с 84-го. И использую их широко и сейчас.

Ну а что касается русского языка и моей эрудиции, то о моих успехах в этом деле вы можете судить по моим сочинениям и письмам.

Это что касается подготовки меня к разработке моей идеи. Что же касается непосредственно самой работы, то в ее ходе я исписал горы бумаг. Стараясь изложить свою идею так, чтобы это было убедительно. Чтобы она выглядела следствием из моей системы, а не просто надуманным предложением.

В ходе этой работы я длительное время пытался сам опровергнуть себя. Доказать себе, что это невозможно, что это не будет работать. Что это – бред, как сказал один из моих друзей, когда я пытался ему объяснить суть своих предложений по реформированию социалистической системы.

И я не смог этого сделать. Хотя пока не смог сделать и противоположного до конца. Т. е. не смогу еще представить свою идею как следствие системы. Как то, что естественным образом вытекает из всего предшествующего развития социалистической системы. Я только уже довольно хорошо представляю себе, как это все должно выглядеть. И приступил к практическому изложению этих представлений.

В ходе работы я понял, что основа, суть того, что я предлагаю, – это отказ от принципа равной оплаты за равный труд и переход к другому принципу, который является неизмеримо более справедливым и более эффективным с экономической точки зрения. Я пришел к выводу, что принцип равной оплаты за равный труд **не является** единственно возможным справедливым принципом распределения при социализме.

Но переход от одного принципа распределения по труду при социализме к другому есть лишь следствие моей идеи, не она сама. Саму же идею я пока оставляю как ноу-хау моего социального изобретения. Именно эта идея является спусковым механизмом начала социальных преобразований. Без нее переход к новому принципу распределения **невозможен**.

Заключение

Моя идея является только непосредственной причиной моих занятий наукой. Идея эта, возникнув в моем сознании, подчинила себе все мои помыслы и чувства, она заставила меня действовать в строго определенном направлении. Она покорила меня своей красотой и силой.

Но если пройти по причинной цепи назад, то становится ясно, что основной, исходной причиной была общая ситуация с производительностью и качеством труда в Советском Союзе. Ведь уже тогда любому мало-мальски самостоятельно мыслящему человеку было ясно, что так дальше продолжаться не может, что таким образом мы капитализм никогда не превзойдет. Ни по качеству, ни по производительности труда.

Мое же отличие от большинства других людей заключалось лишь в том, что я не только понимал это, но и имел конкретные предложения по изменению ситуации в лучшую сторону. Причем, радикальным образом. Однако, в силу тупости, ограниченности и, быть может, корыстности партийных идеологов, были приняты к воплощению не мои идеи, а идеи предателя Горбачева и иже с ним.

Антон Совет
Сочинено: 10.05.2003
Переработано: 11.06.2017